

ИВАН ВАЗОВ ОБ ОТКРЫТОМ ПИСЬМЕ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
«ТОРГУЮЩИМ ВО ХРАМЕ»

Леонид Андреев, как известно, в конце XIX — начале XX в. являлся одним из самых знаменитых русских авторов в мире. Его книги и пьесы читались, переводились и ставились на театральных сценах от Парижа и Берлина до Токио. Сразу после выхода в свет его первых произведений в прозе А.П. Чехов утверждал, что Андреев станет в литературе большим именем¹. Так и случилось. В Болгарии в основном читали и переводили прозу писателя — драматургию реже. По словам Стилияна Чилингирова, в начале века Леонид Андреев был кумиром большей части болгарской интеллигенции. А после публикации «Торгующим во храме» С. Чилингиров отправил Л. Андрееву посылку с его книгами, переведенными на болгарский язык².

---

¹ Антон Павлович писал следующее: «Леонида Андреева я читал еще в Москве, затем читал его, едучи в Ялту. Да, это хороший писатель; если бы он писал чаще, то имел бы большой успех. В нем мало искренности, мало простоты, и потому к нему привыкнуть трудно. Но все-таки рано или поздно публика привыкнет, и это будет большое имя». (Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. Т. 2. М., 1936. С. 187).

² Леонид Андреев напечатал открытое письмо «Торгующим во храме» в газете «Утро России» в 1914 г. Текст был перепечатан почти всеми русскими газетами того времени. На болгарском языке это письмо было напечатано в софийском журнале «Свободно мнение» в № 47 от 22.11.1914 г.

Вот как С. Чилингиров описывал тот нашумевший скандал конца 1914 г.:

«Был конец октября или начало ноября 1914 г., когда в газете “Утро России” вышла статья Леонида Андреева «Торгующим во храме», ко-

Воздействие слова Леонида Андреева на тогдашний мир было впечатляющим. После выхода его первых рассказов ему советовали писать проще, чтобы иметь успех у читателей. «Непростоту» его рассказов критики и историки характеризовали как проявление экспрессионизма, обновление реализма, символизма, экзистенциализма, декадентства, социальной литературы, авангардизма, богоборчества, театра абсурда, театра панпсихизма, литературы подсознательного, неомифо-

---

торая была разослана по телеграфу практически во все крупные русские газеты. У нас она стала известна благодаря русским “Биржевым ведомостям”. По крайней мере, через эту газету, принесённую мне г. Генчо Белевым, студентом и молодым писателем, мне удалось ней ознакомиться. Прочитав статью, я, возмущенный ложью, которая сквозила в каждой её строке, написал соответствующий ответ и отнес его в редакцию журнала “Свободное мнение”. Таким же тяжелым, если не сказать, отвратительным, было и впечатление от статьи у редактора журнала г. Мишева, На следующий день и он подготовил ответ. Оба ответа составили целый выпуск, который вышел 22 ноября в № 47 журнала.

Эти ответы произвели сильное воздействие на наше общество. Целую неделю, если не больше, говорили только о них. Они страшно понравились угнетенной болгарской душе и вызвали просто невероятный восторг. Можно было предположить, что такое же впечатление они произведут и за рубежом после публикации их в английских, французских, немецких, да и в русских газетах. Вышли они в виде отдельных брошюр на французском и русском языках и в Болгарии.

Мы хотели, чтобы Леонид Андреева получил их в посылках, которые мы ему отправили вместе с вложенными в них его книгами, переведенными на болгарский язык в Болгарии. Потрясенный прозвучавшей в двух наших письмах правдой, а может быть, и нашим явно доброжелательным подарком, Леонид Андреев посредством заявления одному из своих близких дал нам понять, что всё еще находится под сильным впечатлением от этих писем и был ошеломлен силой духа, с которой болгарская интеллигенция отстаивает законные права своей родины. Его ответное письмо, адресованное г-ну Былгарову, было прочитано перед членами Комитета по защите прав Болгарии в зале заседаний Славянского благотворительного общества. Оно завершалось подчеркиванием того, что Леонид Андреев навсегда отказывается от своей борьбы в печати против политики болгар...» См.: *Чилингиров С., Д-р К. Кръстев // Иван Шишманов, д-р К. Кръстев, Боян Пенев в спомените на съвременниците си. София, 1983. С 231–232.*

логизма. В поздний период творчества Л. Андреева его новые произведения запрещались цензурой. Будучи близок с Максимом Горьким, Леонид Андреев оборвал с ним связи из-за несогласия с изменившимися горьковскими представлениями об истине. В феврале 1905 г. Леонид Андреев оказался в тюрьме, потому что предоставил свою квартиру для заседаний ЦК РСДРП, а после 1917-го — в откровенной политической немилости, потому что, будучи потрясённым, он вопрошал в прессе: кто тот грядущий, кто этот Ленин, топящий Россию в крови. Леонид Андреев предугадал будущее, буквально вопия в пустыне времени начинающегося социального и психологического апокалипсиса XX в.

В своей статье Леонид Андреев называет болгар «торгующими во храме». Он связал действия болгарской власти с евангельским сюжетом: с действиями торговцев, которых Христос изгнал из храма. То был храм Зоровавеля — единственный в мире, в котором после избавления евреев от Вавилонского плена служили истинному Богу, со словами: «Дом Мой — Домом молитвы наречется», припоминая при этом то, что говорили до Него свв. пророки Исайя и Иеремия о превращении храма в вертеп разбойников.

Поводом к написанию статьи послужил факт транзита через территорию Болгарии в 1914 г. большой партии германского оружия, предназначенного туркам, сражавшимся против России на Кавказском фронте. Этот транзит одобрило болгарское правительство во главе с премьер-министром Василом Радославовым (1913–1918) — председателем Либеральной партии (радославистов), которая вместе с представителями Народно-либеральной и Младолиберальной партий находилась у власти в стране во время Первой мировой войны.

Насколько болгарские правители выражали тогда политические симпатии всего болгарского общества — другой вопрос. Возникает вопрос и о правомерности переноса смысла евангельского рассказа на событие гражданского толка совсем иной исторической эпохи.

В духе культуры того времени Леонид Андреев, если иметь в виду такие его произведения, как «Иуда Искариот», «Елеа-

зар», «Жизнь Василия Фивейского» и др., использует библейские книги скорее в эстетических целях, а содержание этих текстов отражает его глубокое сомнение в истинности христианских ценностей — и это во время русского религиозного ренессанса. На могиле Леонида Андреева в Санкт-Петербурге нет креста, только обелиск.

Не один Леонид Андреев, а и немалая часть интеллигенции смотрели тогда на войну необычным с сегодняшней точки зрения образом. Так, в 1914 г. он писал: «Настоящая война — явление порядка сверхчеловеческого. Смысл ее меняется с каждым днем, растет и углубляется, поднимается на головокруговетельную высоту. Начавшись борьбой сил материальных — так многим казалось в начале — она переходит в борьбу идей. Начатая людьми, она продолжается богами».

Приблизительно в это время (1910) и Пенчо Славейков в анкете на вопрос «Какое отношение должна иметь Болгария к Турции в ближайшем будущем?» отвечал: «Поэт говорит: война! Как отвечает политик, не знаю»³.

Тексты Л. Андреева лишь частично отражают ментальность того времени, которая в XX в. обозначалась словом «апокалипсис». Причину этой ситуации с трудом можно объяснить в нескольких фразах. В конце XIX — начале XX в. Европа и Россия столкнулись с драмой рационального познания. Россия прошла через позитивизм и крах позитивистского мышления, т.е. как экзистенциальную драму человека того времени. Метафора этой драмы прочитывается в рассказе «В тумане» Л. Андреева. Его герой Павел Рыбаков, гимназист, заразившийся от проститутки, которую в конце рассказа убивает ножом, читает Генри Бокля.

Несмотря на русский религиозный ренессанс, в конце XIX — начала XX в. Россия переживала последствия секуляризации культуры. Этот процесс начался еще в XVIII в. Культура отделилась от православия и создала своих богов.

---

³ *Славейков П.П.* Анкета по македонския въпрос // *Славейков П.П.* Събрани съчинения. Т. 5. Критика и обществени въпроси. Очерци. Пътеписи. София, 1959. С. 313.

Болгарская ментальность в то же самое время простира-лась в границах Балкан. Драма произошедшей секуляризации мышления, которая осознавалась небольшой частью болгарской интеллигенции, случилась скорее на периферии болгарского культурного пространства. После национального Возрождения болгары помышляли лишь о материальном успехе. Идеология всех политических партий несла на себе отпечаток идей социализма, народничества, необходимости призрения сирот. Не была забыта и сформулированная во времена болгарского Возрождения идея национального объединения. И, следуя ей, болгары в 1912 г. воевали с Османской империей, а в 1913-м — с Сербией и Грецией.

Жить и жертвовать собой ради истины — великое деяние, но будет ли твоя истина соизмеряться с другими истинами вокруг тебя — вопрос другого порядка, который разрешает не героизм, а здравый смысл.

Однако героизм, эмоциональность, мышление синекдо-хами, потому как правительство В. Радославова было только частью целого. Следование идеям и истинам со стороны Л. Андреева, других болгар и всех остальных вызвало большую словесную баталию, в которой приняла участие значительная часть писательской и книжной интеллигенции.

Если это будет позволительно выразить определением «типология непонятого», то в общей сложности она может быть сведена к двум моделям.

В первом типе непонимания непонимающие обыкновенно близки. Больше всего конфликтуют те, кто друг другу ближе всего, — Америка и Россия после середины XX в., Пенчо Славейков и Иван Вазов в конце XIX — начале XX в. и пр. Если нет схожести между двумя сторонами, то не о чем и спорить, — Россия и Филиппины, например, или Иван Вазов и Рабиндранат Тагор.

Второй тип непонимания состоит в том, что спорящие говорят о различных вещах, т.е. каждый о своем, и между ними нет настоящего диалога. Иными словами, нет пересечения классов, и каждая сторона рассматривает другую сквозь призму своих собственных представлений.

Можно сказать, что это культурно-историческое столкновение начала XX в. между Л. Андреевым и болгарской литературной элитой является непониманием второго типа — каждый говорил о себе самом. А причиной была, по словам Л. Андреева, попранная болгарами идея о славянской общности и единении. По сути, в то время Россия и Болгария пребывали в разных временах, исторических и социокультурных состояниях.

Россия — самая большая империя в мире, сверхсила, влияющая на ход мировых событий. Переживающая драму рационального познания. Драму распада позитивизма. Драму антропоцентричных истин о мире и человеке. Драму секуляризации и сомнения в православных ценностях. Кто-то написал в то время: «Никакого Бога и никакого дьявола нет, есть одни только рожи». Драма имперского управления. В этом аспекте война действительно выглядит как сверхчеловеческое явление, начатое человеком и продолженное богами.

Болгария — национальное государство. До 1912 г. — экономическая и военная сила Балкан, не желавшая ничего другого, кроме осуществления стремления к тому, чтобы все болгары жили в своем государстве. Она переживала идею национального объединения, которое началось Соединением в 1885 г., продолжилось войной, которую начала Сербия в 1885 г., актом провозглашения независимости от Османской империи в 1908 г. и первой Балканской войной 1912 г.

И насколько же несостоятельным было решение о второй Балканской войне в 1913 г.! Оно снова отражало следование Болгарии идее национального объединения и представляло собой политическое поведение не империи, а национального государства.

Идея восстановления болгарского национального государства стала после XVIII в. институциональным, гражданским и государственным проектом, поскольку с того времени, как известно, начала осознаваться ценность национальной идеи.

В этом своем желании болгары были одинокими и непонятыми своими соседями, которых не интересовали болгарские соображения о справедливости.

Они были одиноки среди остального славянства, потому что славянские национальные государства были созданы после окончания Первой мировой войны, а Россия как империя придерживалась иной философии и политического поведения.

Они были одиноки даже в церковном вопросе — Болгарская церковь не обладала самостоятельностью и на нее саму была наложена схизма.. Болгары жили лишь идеей о справедливости, которая никого не интересовала.

Л. Андреев не мог всего этого знать и уж тем более — понимать. В нашем случае болгарское правительство выступало против русских интересов, причем это касалось войны, являвшейся одной из многочисленных войн, которые Россия вела против Османской империи. Болгарское правительство не понимало интересов и ход мыслей империи, несмотря на то что совсем недавно болгарская общность жила в другой, хоть и иначе организованной империи. Так что несовпадения между поведением болгар и поведением Л. Андреева — это несовпадения между представлениями о мире и представлениями о войне.

Для Л. Андреева мировая апокалиптика являлась частью естественного пути мира и человека. В его первых произведениях читается социальный ужас повседневной жизни. Затем — ужас иррационального в человеческой природе, которое не способно подавить табу культуры. Вслед за Ницше у него появляется Богоборчество. Понимание ничтожества и одиночества человека во Вселенной. Осознание мертвой материи как чужой, враждебной силы в результате позитивистских открытий XIX в. Апокалиптика, выраженная в метафоре кровавого смеха войны 1905 г. В его драмах «Жизнь человека» или «Собачий вальс» всё есть ничто. Л. Андреев пишет единственно о смерти. Насилие воспринимается как безусловная данность — Бог мертв, война есть дело богов.

С другой стороны, о том, какие умонастроения охватывали болгарское население после 1913 г., можно прочитать в вос-

поминаниях С. Чилингирова⁴. Болгары еще не подозревали о том, что с ними случится в 1919 г.

Известно, что болгарская интеллигенция объединилась и ответила Л. Андрееву. Ответом ему стало письмо Ивана Вазова, написанное в начале 1915 г. В нем он пишет об отвращении и злобе Л. Андреева, называя его судьей и хулителем болгарского народа. Приведем текст этого письма:

«До того, как мы увидели какие-либо проявления Вашей любви, мы увидели Ваше отвращение. До того, как Вы стали нашим другом, Вы выступаете сегодня как судья и хулитель болгарского народа и с бичом в руке в притворе славянского храма хотите быть олицетворением высшей правды. Вы считаете себя одним из избранных для того, чтобы хранить святыни этого храма.

Не нас, а Вас следует наказывать бичом правды и благородного негодования, потому что именно Вы, опьяненный мутным вином злобы, не видите истины. Вместе с Вами заслуживают бичевания и те, за кого Вы заступаетесь так горячо, потому что именно они недавно торговали в славянском храме и пос-

---

⁴ «События 1913 г. позднее (война между союзниками и ее следствия. — С.С.) могут зародить не только одну мысль, развить и привести в движение, как пружину, не только одну волю. Особенно урожайным был 1913 гол с ег второй Балканской войной — виновницей всех наших национальных несчастий. Прежде всего, наши земли по всем сторонам границы были так обезображены, что наша географическая карта стала похожа на разорванную острыми зубами кожу. Надломлена была и душа целого народа. Никакого утешения, никакого видимого одобрения этой вопиющей исторической несправедливости. Одновременно пристальное внимание к этой трагедии стали проявлять те, кто её вызвал: как внутри нашей страны, так и за ее пределами, как своих, так и чужих. И в этом поиске причин происшедшего в одинаковой степени приняли участие званые и незваные искатели истины. Здесь пробовали себя все, кто только мог писать и говорить. Но желанный момент скоро наступил. Австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда убили террористы... Создание новой Болгарии посредством сокрушения соседней или через взаимопонимание с ними — вопрос, возникший на политическом горизонте» (*Чилингиров С. Д-р К. Кръстев // Иван Шишманов, д-р К. Кръстев, Боян Пенев... С. 208–209.*)

ле того, как сотворили столько грехов против своих братьев, пошли замаливать их в этот же храм.

Раньше Вас там не было, потому что минувшие прошлые события Вас не затронули.

Но какая моральная сила кроется в Вас, когда Вы черните имя целого народа и называете его толпой карманников («не прочь обшарить карманы брата должника», говорите Вы о нас). Какое духовное благородство и какую человеческую совесть выражаете, когда, ослепленный несправедливым гневом и злобой, вы называете нас цыганами на ярмарке, продажными людьми с раздвоенными языками, которые пляшут кровавый танец духовной нищеты, коварными и подлыми убийцами, стадом овец?

Так кто Вы и кто Вам дал право возводить хулу и клевету на народ, который Вы не знаете и никогда не хотели узнать, о котором Вы судите по словам его самых злостных клеветников и злопыхателей — по словам его братьев-изменников. Где были Вы, один из благородных членов славянского семейства, Вы, стыдящийся нас и предрекающий нам духовную гибель, — где Вы были недавно, когда совершалось так много такой жестокой несправедливости?

Для Вас мы самые недостойные сыны в славянском семействе — потому что не совершили ни одного акта несправедливости над своими братьями. Но скажите: есть ли сербы в этом честном семействе и опускают ли они глаза от стыда, который чувствует именно болгарин?

Во втором своем письме, чтобы выразить свои мысли до конца, Вы говорите, что не сочувствуете болгарским стражникам, которые влекут в темницу сербов. Вы очень хорошо знаете, что таких случаев не было, потому что мы не владем и никогда не имели намерения владеть сербами. Но Вы говорите о них при всем этом, чтобы сохранить позу разгневанного и вдохновенного выразителя высшей правды.

В первом своем письме Вы называете сербов, может быть, не замечая того, «братьями-должниками». А знаете ли Вы, как они оказались в этом положении должников и что они нам должны на самом деле? Но что Вам Болгария, что Македония — они могут существовать, могут исчезнуть — для Вас это будет всё едино. Позвольте и другим любить своё отечество. Вопрос нашего национального существования — это не вопрос торгашества,

как Вы выражаетесь. Наш народ никогда не торговал своей совестью, никогда не предавал своих братьев и не изменял своим обязательствам. То, что совершили сербы с нами и о чем, я верю, Вам уже очень хорошо известно, ни один болгарин не совершал над сербами и никогда не совершит.

Пусть нас обвиняют в преступной наивности, но не в предательстве и бессовестности, что после стольких разочарований, после такого горького опыта, который мы черпали в отношениях с сербами на протяжении столетия, мы часто забывали прошлое и стремились работать с ними заодно, помогать им, чтобы снова быть оболганными и чтобы снова злоупотребляли нашей наивностью собственные наши братья-славяне. Будь мы настоящими политиками, как Вы нас называете в своем письме, мы не претерпели бы столько дорого обошедшихся нам потерь и горьких разочарований, не позволили бы возликовать над нашими несчастьями тем, кто торгует славянской идеей и кто теперь ищет нашей помощи. Когда мы были сильны, они с презрением говорили о нас и готовы были нас уничтожить, а сегодня, так как их интеллигенция стыдится обратиться напрямую к нам, прикрываются Вашим писательским именем. Если их совесть чиста, пусть они нас обвиняют, пусть они сами бросят в нас камень — почему же Вы это делаете? Но к нам они не смеют обратиться, потому что знают, какой ответ получат, и потому что у них нет морального настроения признать свои грехи и открыто просить о нашей братской помощи. Они обращаются к Вам, говорят с Вами Вашими же фразами, Вашими литературными образами, и Вас вдохновляет неискренность их речей. Они верят, что Ваша хула ранит наши сердца. Чтобы им услужить, Вы вооружились всеми книжными копьями и стрелами клеветнической риторики. И всякое Ваше слово Вы пытаетесь превратить в хулу и издевательство над болгарским духом.

Я бы желал, чтобы ничье сердце в этой стране не было ранено Вашим злословием. В Вашем письме, полном отравы, злобы и ненависти, в Вашем безосновательном и преступном хулении я не вижу ни величия художника, ни благородства человека.

Я бы пожелал еще, чтобы ни один болгарин, ни один болгарский писатель не чувствовал себя Вашим учеником и не шел по Вашим следам и следам вашего слепого возмущения.

Мне больно, когда кто-то называет Вас учителем болгарской интеллигенции. Это не правда. Отдельные и случайные увлечения не являются свидетельством духовной жизни всей интеллигенции. К счастью, наша интеллигенция имеет и более достойных учителей, и Вы с Вашим творчеством не пленили ни одного из наших первых поэтов и художников, но сейчас это Ваше письмо даст возможность всем моим собратьям Вас понять и оценить; это их приведет еще раз к убеждению, что между личностью писателя и его творениями не следует проводить границу и что Вы не рождены быть учителем поколений.

Объятый пророческим экстазом, в двух своих письмах Вы мечете на нас словесные молнии и уже видите нашу духовную гибель — опомнитесь! Вы не тот человек, которому дано право нас осуждать за наши грехи и заглядывать в наше будущее. Вы нас не знаете и не имеете права о нас говорить. Болгарский народ существует не по Вашему капризу, и Ваши лжепророчества его не смутят. Он оценит Вас, как оценил и другие, менее эфемерные имена.

Я убежден, что спустя время Вы пересмотрите собственные преступные заблуждения и будете краснеть за клеветнические слова. Сейчас я в Вас того не вижу, потому что Вы в своей злобе и отвращении всё ещё не можете вникнуть в смысл того, что делаете и говорите.

Ив. Вазов»⁵

Поведение Сербии во время войны в 1912 г. оставим без комментариев. В письме И. Вазова есть нечто другое, на что следует обратить внимание: это то, как он подвергает деструкции публичный образ Л. Андреева в болгарском культурном поле. В болгарском сообществе в Османской империи секуляризация культуры и ее отделение от христианства произошли после середины XIX в. В 1880-е гг. И. Вазов в сборниках стихотворений «Гусла»/ («Гусли», 1881), «Поля и гори» («Поля и леса», 1883), «Италия» (1884), «Звукове» («Звуки», 1893) создал представление о творце как об избраннике и духовном вожаке общества. С помощью инструментария европейской антропологии конца XIX в. Пенчо Славейков придал этому представ-

⁵ Вазов И. Събрани съчинения в 22 т. Т. 22. Писма, 1909–1921. София, 1979. С. 127–130.

лению современный вид — писатель есть пророк. Светская культура, не подменяя веру, стала авторитетной и престижной и окончательно вытеснила православие на периферию социального пространства. Познание человека заменило собой Богопознание⁶. Литература взяла на себя функции веры, и писатель стал учителем и проводником. Л. Андреев стал кумиром большей части болгарской интеллигенции благодаря идеям и форме их преподнесения в своих произведениях⁷. Но между Учителем и учителем, Проводником и проводником и пророком, конечно, в светском смысле этого слова, есть разница. Всё зависит от того, какие задачи решает та или иная культура. То, что было полезно для России, могло навредить Болгарии. Так, нравоучения и суд Л. Андреева над болгарями, обусловленные его точкой зрения, оказались для них неприемлемыми. И именно этот образ Учителя и Проводника в своем письме и развенчивает И. Вазов. В Леониде Андрееве он не находит «величия художника» и «благородства человека». Для него Л. Андреев не учитель интеллигенции, не пророк и не судья. Болгарская культура не могла не следовать за человеческой правдой и с оглядкой на Л. Андреева решать свои проблемы, значительно отличавшиеся от проблем русского общества. И Вазов развенчивает образ, который он сам создал в 80-е гг. XIX в. — образ избранника, проводника и пророка-творца. Причина этого заключалась в том, что истины мира Л. Андреева отличались от истин болгарского общества. В системе антропоцентризма — у каждого своя правда. А единомыслие, единодействие и соборность присущи только Православию. Но оно в России, Болгарии, а также в Сербии и Греции и в наше время занимает периферийное место в культурном поле. И мысли человеческие имеют большую ценность и значимость, чем всё остальное.

Перевод с болгарского *И.Н. Смирновой*

---

⁶ О начале этого процесса и о Богопознании и цивилизации см. подробно: *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 257.

⁷ *Василев В.* Леонид Андреев // Мисъл. София. 1905. № 1. С. 35–45.

РЕЗЮМЕ

**ИВАН ВАЗОВ ЗА ОТКРИТОТО ПИСМО
«ТОРГУЮЩИМ ВО ХРАМЕ» НА ЛЕОНИД АНДРЕЕВ**

През 1914 г. българското правителство пропуска голяма пратка немско оръжие за отворения вече военен фронт в Кавказ. Л. Андреев пише статията си «Торгующим во храме», обвинявайки българите в нравствено престъпление срещу славянския свят. Руската империя следва своите геополитически интереси. Българите воюват за национално обединение. Интересите на Русия и на България са различни. Л. Андреев е един от най-превежданите и четени руски писатели в България в онова време. Нещо повече — той е учител и кумир на част от българската интелигенция. Краят на XIX — началото на XX век е време, в което културата се е отделила от християнството. Културата е иззела функциите на вярата. Писателят се осъзнава като учител, водач и пророк. Този образ на Л. Андреев като духовен водач, учител на част от българската интелигенция деструктира И. Вазов в писмото си.